

22.5.96.

Миронов Евгений

Актер Евгений МИРОНОВ: Герою нашего времени не хватает совести

Известия, — 1996, — 22 мая, — с. 7

Его имя сегодня ассоциируется с успехом. В театре он один из самых заметных молодых актеров, «лицо» модного сейчас табачковского театра. В кино — «счастливый билетик» для режиссеров разных поколений. Начиная с «Любви» Валерия Тодоровского, он снимался только у мастеров хай-класса. Эпизод в «Утомленных солнцем» Никиты Михалкова, главные роли в «Мусульманине» Владимира Хотиненко, «Анкор, еще анкор!» Петра Тодоровского, «Лимите» Дениса Евстигнеева, за которую в прошлом году Миронов получил «Нику». Нынешний год принес ему две новые работы: только что в московском театре «Современник» прошли премьерные показы спектакля Валерия Фокина «Карамазовы и ад», а Сергей Газаров закончил съемки гоголевского «Ревизора». Миронов — Иван Карамазов и Иван Хлестаков. Недавно актеру присвоено звание заслуженного артиста России.

— Сейчас в кино есть несколько актеров, олицетворяющих понятие «герой нашего времени». Жесткий, сильный, ироничный герой Владимира Машкова. Более романтический и мелодраматичный — Андрея Соколова. Сергей Маковецкий и его «русский человек на randevu». Наконец, Олег Меньшиков, чьи герои всегда существуют «на последнем дыхании». А какой он, герой вашего времени, Евгений?

— Мне очень трудно говорить об этом, потому что я никогда не задумывался, по какому признаку можно объединить моих героев. И когда Леонид Парфенов в своей передаче назвал меня «Алейников наших дней», меня это покорило. Если я и хочу создать какой-то имидж, то такой, чтобы вовсе не иметь никакого имиджа. Поэтому каждый раз, как из огня в воду, бросаюсь в разные роли. В «Любви» — один, в «Лимите» — другой. Может, поэтому меня на улице не узнают? Хотя, нет, после «Анкора» стали узнавать. Но вообще я думаю,

что сформировавшегося героя у нашего времени пока нет. Вы назвали замечательных актеров, каждый из которых, отталкиваясь от собственного опыта, создает собственный образ героя. Но единый герой поколения пока фигура очень расплывчатая.

— А Карамазов и Хлестаков? В них есть что-то от нынешнего времени и его героев?

— Безусловно. В Карамазове, как мне кажется, есть очень важные черты сегодняшних молодых людей. Категоричность, жесткость, неприятие Бога и общечеловеческих законов. Это с одной стороны. А с другой — он человек жутко сомневающийся и рефлексирующий, что сейчас тоже очень характерно для общества.

Единственное, чего так мало в нас и так много в нем, — он невероятно совестлив. Совестьлив до болезни. Именно поэтому и сходит с ума. Это очень важная черта, и я был потрясен, когда открыл ее для себя. То есть, она, конечно, была

открыта давно, но для меня стала откровением. Я сначала никак не мог понять: что же он так мучается? Ведь он не брал в руки канделябр, не убивал отца. Он всего лишь произнес это вслух. Но для него сделать и подумать — это одно и то же. А сейчас слова, к сожалению, почти не имеют ценности.

— Если возвращаться к вашим ролям, то в русской литературе трудно найти персонаж, который относился бы к словам легче, чем Хлестаков. Разве что Нодрев.

— Конечно, его не оторвать от сегодняшнего времени. Как говорил о нем Горюхиныч: «Сосульку, тряпку принял за важного человека!». Но при всем при том ведь абсолютное чудо, инопланетное существо! Я никогда не мог понять, почему ему все поверили?

— А, может быть, он был гениальным артистом? И это единственное, кем он был на самом деле?

— Может быть. Но сам факт его появления и такого воздействия на совершенно нормальных людей — для меня загадка.

— Как читатель, с кем вы чувствуете себя органичнее — с Достоевским или с Гоголем?

— С Гоголем. Я мгновенно его почувствовал еще в детстве, когда читал первый раз. Мне не надо было адаптироваться ни к языку, ни к юмору, ни к образу мыслей. Это мои слова, мои характеры. Я очень люблю характеры, а там характеры — все.

— И кого, кроме Хлестакова, вам хотелось бы сыграть?

— Да всех! Коробочку, Чичикова. Мечтаю сыграть самого Гоголя. Я много читал его писем и документов — в нем была какая-то трагическая тайна. Кстати, он наделил Хлестакова многими своими чертами. Что касается Достоевского, то сейчас я переживаю очень тяжелый период — период страсти. Не любви, а страсти. Она очень опасна, потому что есть черта, за которую нельзя переступать. Я знаю, что многие не любят Достоевского. Петер Штайн, например, считает, что он из мухи делает слона. Но ведь Штайн не был на каторге, и за три минуты до казни ему не объявляли об отмене смертного приговора.

— Во всех ваших героях всегда было очень сильно светлое начало. Пожалуй, в Карамазове вы впервые обживаете пространство зла.

— Ну, значит, пора. Многие думали, что я буду играть Алешу, и я как-то сказал, что уже перерос Алешу. А потом подумал — а может, не дорос? Мало кому в театре и кино удавалось сыграть такой абсолютный свет. Но вы правы. Меня действительно прельстила другая сторона — темная. В театре есть свои суеверья. Какие-то роли нельзя играть, нельзя заглядывать за какую-то грань. Но, наверное, вопрос в том, не что делать, а как. Сейчас так все перемешалось. Люди идут в церковь молиться, а потом — убивают. Или наоборот. Убивают, а потом ставят свечку.

У Фазиля Искандера есть замечательная статья о том, что герои Достоевского существуют накануне катастрофы. Мне кажется, Фокин очень точно почувствовал наше состояние перед очередной, может быть, уже свершившейся, катастрофой. Искандер считает, что у Достоевского все очень много говорят, потому что слишком мало времени до катастрофы и надо успеть выговориться. Но сегодня невозможно со сцены впрямую говорить о доброте и нравственности. Надо делать заход с другой стороны — со стороны зла. Пытаться пробиться через что-то темное, противоестественное, болезненное. Поэтому, я считаю, мы сделали благое дело этим спектаклем.

— Беда лишь в том, что люди, которые ставят свечки и убивают, на ваш спектакль никогда не придут. Как, впрочем, и на все другие.

— Но дело же не в конкретном убийстве, а в том, что в нашем обществе все позволено, и мы с этим соглашаемся. В том, что мы привыкли. Никого это не раздражает, никому не больно. Кажется, что со мной этого не случится, и ладно.

— Жена, а вы послушный актер?

— Не всегда. Если не могу согласиться с режиссером, не соглашаюсь, предлагаю что-то свое.

— И как режиссеры к этому относятся?

— Кто как. Например, у Валерия Тодоровского на съемках «Любви» меня корбила одна сцена. Помните, когда героиня признается, что ее изнасиловали? По сценарию получалось, что ее изнасиловали потому, что она еврейка. Мне казалось важным не то, что она еврей-

ка, а то, что с ней так поступили как с человеком, что она пережила такой удар. У Валеры была своя точка зрения, но все-таки мы переписали сцену, и, по-моему, стало гораздо человечнее. Вот тут я настоял на своем и победил, а бывали случаи, когда соглашался.

— Многие театральные актеры относятся к работе в кино достаточно снисходительно, считая ее второстепенной. Каково соотношение кино и театра в вашей жизни?

— То, что театр первооснова, это очевидно. В театре ищут, пробуют, накапливают. В кино выдают конечный результат. К тому же актер мало что может сделать в кино — все равно режиссер отрежет столько, сколько хочет, и смонтирует так, как сочтет нужным. В кино актер гораздо более независим. Мне пока удавалось удачно сочетать кино с театром. Два года забрала «Орестея», потом два года снимался. И вот сейчас снова «вернулся» в театр.

— Как в «Табакерке» относятся к вашим «уходам»?

— Нормально, поскольку я много занят в репертуаре. Играю 10 спектаклей в месяц, репетирую. У нас ведь нет такой системы — уйти на год на съемки. Как Дастин Хофман изучал бомжей для «Полночного ковбоя» — на три месяца уходил с головой в их жизнь.

— Вам очень везло с партнерами и режиссерами. Наверное, вы единственный молодой актер, снимавшийся в последние годы со столькими отечественными звездами, и один из

Евгений Миронов.

немногих, кого приглашали в свои картины и отцы, и дети. Взять хотя бы Петра Ефимовича и Валерия Тодоровских. С кем вам комфортнее — со сверстниками или опытными мэтрами? И существует ли для вас проблема «общего языка»?

— Если на площадке собираются талантливые люди, возраст не имеет значения. Может быть, мне везло, но все, с кем я работал, — люди талантливые. Нам не нужно было адаптироваться. Мы понимали друг друга с полуслова. Я вспоминаю «Ревизора». Представьте,

там снимались Аня Михалкова — студентка — и Армен Джигарханян, Олег Янковский, Зиновий Гердт, Никита Михалков... Мы все чувствовали себя как студенты. В работе не бывает народных, заслуженных, лауреатов Государственных и Нобелевских премий. Все скидывают штампы и регалии. Потому что на площадке все «голые». Все не знают, что делать, придумывают, ищут, ошибаются, и только тогда — дай Бог — что-то может получиться.

Ольга ШУМЯЦКАЯ.

72